

Чунань находится на юге на границе с другими государствами. Здесь расположены высокие горы, равнины, каменные ущелья. У людей, пришедших в эти места, кроме вздохов восхищения от великолепных гор и рек Дашао, могла возникнуть другая мысль: суровая природа и, куда ни кинь взгляд, повсюду дикие, необузданные люди.

В прошлом это была независимая земля, где проживало племя, затем она была завоевана Дашао и превращена в место изгнания преступников. Их отправляли сюда на исправительные работы, чтобы они привели пустырь в пригодную для возделывания землю, но на самом деле, их бросили на произвол судьбы, предоставив самим себе. И по прошествии времени Чунань оказалась за чертой земледелия.

Затем, несмотря на то, что двор отправлял сюда солдат и чиновников для управления, стараясь не допустить, чтобы это место существовало независимо от закона и естественной морали*, упрямые и непослушные люди все еще следовали несгибаемой традиции, как и раньше. Восемьдесят процентов мужчин — грубые, безрассудные и свирепые заносчивые дьяволы. Девяносто процентов женщин — хитрые, свирепые и сварливые, как лисицы. Прогуливаясь по улице, в любой момент можно было услышать броские фразы: "Ты покойник!!" — "Ты злая женщина!" — и неистовый рев. Не было никакой разницы между мужчинами и женщинами, когда они дрались. Повсюду летали куры и скакали собаки, добавляя хаоса на чрезвычайно оживленной улице. Никто не мог одержать верх, и никто не мог воспользоваться преимуществом другого.

[П\п: *"независимости от закона и естественной морали" — недисциплинированные и неуправляемые].

Ох-ох-ох, ногти женщин чрезвычайно жестокие!

Тц-тц-тц, скорость мужской руки в захвате груди на самом деле слишком вульгарная!

Каждый раз, когда Ли Цунцин видел такое зрелище, его переполнял восторг. Всю свою жизнь он прожил в столице в рамках нравственного кодекса: мужчин учили быть утонченными и вежливыми, женщин — сдержанными и невозмутимыми, элегантными и добродетельными. Поэтому, благодаря этим людям — властным дьяволам и хитрым лисам — он получал новый и освежающий опыт.

Конечно, в столице имелись девушки, не знающие, что такое сдержанность, элегантность и добродетель, которые только и мечтали изображать из себя такую дьяволицу. Семья Ли также воспитала одну. Ли Цунцин улыбнулся, думая об этом. Четвертой сестре понравилось бы это место.

Хотя он приехал сюда для обхода в статусе императорского инспектора, что само по себе предполагало, что ему устроят серьезный, вежливый и доброжелательный прием, однако не только седьмой принц смотрел лишь на Вэй Сяомяо, на самом деле, не было даже и нескольких человек, которые обменялись бы с ним взглядом, делая вид, что приглашают усы и похлопывают лошадь по спине*. Ли Цунцину было все равно. Не было никого, кто, глядя на

него спереди и сзади, заставлял бы его соблюдать осторожность. Так он чувствовал себя вполне радостно и комфортно.

[П/п: *"приглаживать усы и похлопывать лошадь по спине" — добиваться желаемого, используя лесть].

Он не думал, что император действительно хотел, чтобы он провел инспекцию в этом месте, когда поручал ему такое тяжелое и большое ответственное задание проверить состояние людей. Он чувствовал, что не должен этого делать. Скорее всего, кроме доставки Вэй Сяомяо в Чунань, тот просто хотел, чтобы он временно покинул столицу. И действовать от имени императора для проведения инспекции — это действительно разумный предлог, чтобы отослать их.

Но он не придавал этому особого значения. Когда придет время, все разрешится само собой. Он просто слишком ленив, чтобы тратить свою энергию, позволив воображению разыграться.

Однако теперь, когда на голове у него имперская инспекционная шляпа, нужно было показать, что он выполняет свой долг. Ли Цунцин отправил людей, которые прибыли с ними, позаботиться о делах. Он и Вэй Сяомяо болтались во всех направлениях с двумя конными телохранителями, настаивающими на их защите.

Нетрудно было выяснить, что эта южная безрассудная и дерзкая пустошь с густыми сорняками под руководством седьмого принца уже за три года стала хорошей сельскохозяйственной землей. Кроме того, у него была хорошо обученная и мощная армия: можно было счесть, что он тайно давал выход своему гневу, готовясь к войне.

Это также было главной причиной, по которой император хотел, чтобы он и Вэй Сяомяо приехали сюда для проверки?

Ли Цунцин чувствовал, что даже если у Сун Вэя и имелись высокие амбиции, он не был волчком с волчьим сердцем* ради положения императора. Может быть, у него есть скрытые мотивы? Если это действительно так, тогда у Ли Цунцина есть общее представление о том, для кого эти скрытые планы. Только слепой человек не увидит, как седьмой принц смотрит на Вэй Сяомяо: как тигр наблюдает за своей добычей**.

[П/п: *"волчонок с волчьим сердцем" — так говорят про амбициозных, безжалостных людей с дикими амбициями.

**"Как тигр наблюдает за своей добычей" — смотреть угрожающе].

Чтобы Вэй Сяомяо не оказался полностью съеденным, что даже костей не останется, Ли Цунцин брал его с собой, когда собирался отправиться на прогулку.

Первые несколько дней седьмой принц следовал за ними, как липкая конфета. Но он должен был управлять такой большой территорией и не мог, словно бездельник, пренебрегать своими обязанностями. У него не было выбора, кроме как, скрипя зубами от ярости, позволить Ли Цунцину уводить Вэй Сяомяо на его глазах.

Сегодня они оба тоже бродили по округе. Время от времени они останавливались, чтобы поболтать с местными жителями, слушая их густой местный диалект, когда те рассказывали всевозможные истории об этом месте. Подчас они искали красивый пейзаж, чтобы, оценивая виды, петь о ветре и луне*. Удовлетворенные и довольные, устав от ходьбы, они удобно расположились отдохнуть под небольшим навесом придорожной чайной лавки.

[П\п: *"петь о ветре и луне" — написание сентиментальных стихов].

— Посмотри, эта Чунань совершенно самодостаточна. Народ здесь не знает Сына Неба и признает только вана Чунани. Она похожа на независимое маленькое государство, — тон Ли Цунцина был небрежен и беззаботен, но слова, произнесенные им, на самом деле, заставили кое-кого насторожиться. — Сяомяо, тебе так не кажется?

— Этот недостойный слуга не осмеливается произносить необдуманные речи, — благоразумно ответил Вэй Сяомяо.

— Я помню, что твоя бабушка по материнской линии из Чунани.

— Да.

— Итак, Чунань можно назвать твоей родиной.

— Этот недостойный слуга действительно жил в Чунани в детстве.

— Твои родные еще живы? — Ли Цунцин спрашивал, следуя своим умозаключениям.

— Все умерли, не осталось никого, кого бы я помнил, — Вэй Сяомяо было трудно скрывать темный и тусклый свет в глазах.

— Я все еще чувствую себя странно: мне все-таки очень любопытно, почему седьмой принц захотел приехать сюда. Сяомяо, ты не знаешь?

— Этот недостойный слуга не знает.

Ли Цунцин неторопливо потягивал чай. Внезапно он произнес более шокирующие слова:

— Как знать, может, седьмой принц хочет вручить Чунань тебе в качестве подарка на помолвку?

— Господин Ли?! — повысил голос Вэй Сяомяо.

— Я просто так сказал, наугад, не стоит относиться к этому всерьез. Смотри, твое лицо стало таким бледным. Если седьмой принц увидит это, он подумает, что я издеваюсь над тобой. Будет удивительно, если он не оторвет мне голову и не сыграет с ней как с мячом, — он озорно дразнил его, а потом добавил: — Еще несколько дней, и если не будет особо серьезного дела, я думаю двинуться дальше и направиться в Эрхе. Как насчет тебя?

Вэй Сяомяо не ответил прямо, проявляя нерешительность.

— Сяомяо, ты человек, заслуживающий большого уважения, не нужно принижать самого себя, — искренне сказал ему Ли Цунцин.

— Как может слуга да к тому же евнух, как я, не принижать себя. Даже если у меня есть богатство и привилегии, даже если я обладаю властью и занимаю высокий пост, в конечном счете я всего лишь неполноценный калека, — Вэй Сяомяо с трудом сохранял спокойствие, когда говорил о своих сердечных мыслях. Утонченное лицо расплылось в горькой улыбке.

Услышав, как он говорит эти слова, Ли Цунцин больше ничего не сказал. Когда идея подчинения нижестоящего вышестоящему глубоко укоренилась, два или три слова не могли что-то изменить. Вэй Сяомяо потерял не только часть своего тела: и его тело, и его душа — все было искалечено.

Внезапно он понял, почему седьмой принц так взволнован. Он любил Вэй Сяомяо как "личность", а не как "евнуха". Однако Вэй Сяомяо не видел в себе то, что люди видели в нем. Он установил свою ценность основательно, от начала и до конца, как евнух. Он покорился своей судьбе, как ничтожное и смиренное существо, не решаясь принять чувства седьмого принца. В результате седьмой принц мог прибегнуть лишь к методу принуждения, грубо и неразумно затолкав собственные чувства и стремления, а затем упрямо запихивал их в его руки.

Наблюдателю со стороны всегда виднее.

Возможно, для Вэй Сяомяо лучше всего будет остаться в Чунани. Конечно, Сун Вэй мог дать ему другую перспективу и мир, чтобы он мог восстановить свою самооценку и стать полноценным человеком.

Говоря о том, что "со стороны всегда виднее", с тех пор, как Ли Цунцин покинул столицу, он вспоминал все виды отношений между ним и императором, каждый момент. Он вдруг понял, что он также "наблюдатель, которому со стороны виднее", особенно вспоминая начало, когда ситуация была еще неясна. Он вспомнил встречу на фестивале фонарей в тот год, когда его

голова, в сущности, была пуста, его большой кусок тофу был съеден*, и он был растерян.

[П\п: *"есть тофу" — воспользоваться кем-либо, часто с сексуальным подтекстом, приставать].

Может быть, потому что огни фейерверков в тот день были слишком красивы: красивы настолько, что ослепляли глаза и ошеломяли.

Чем дальше они отдалялись, тем яснее он мог видеть — сцену за сценой, как будто это случилось только вчера — и тем глубже становилась тоска.

"Ай-ай, очень по нему скучаю. Скучаю по его снисходительной любви, по его сладким поцелуям, по его нежным и мягким ласкам, скучаю по его грубым и диким прикосновениям, когда наши тела переплетались..." Его тело не выдержало и слегка нагрелось.

— Господин Ли, ваше лицо покраснело. Вы плохо себя чувствуете? — Вэй Сяомяю осторожно проявил заботу.

— Нет. Погода стоит жаркая, — Ли Цунцин прошелестел веером и замахал им, чтобы остыть.

На фестивале фонарей в том году, если бы не вульгарное замечание Ли Цуниня, заинтересовался бы император его ягодицами... кхм, телом? В то время он никогда не думал, что его поцелует мужчина, а после этого, на следующий день, его разденут догола и тщательно, с головы до ног, чисто и плавно съедят, не оставив ни малейшего остатка.

Этот человек за своим внешним видом глубокого спокойного потока был, на самом деле, вздымающейся, несущейся волной. Бурлящие страсти не давали ему возможности сопротивляться, не позволяли вырваться из пучины падения целым и невредимым.

Как сегодня Ли Цунцин скучал по тому, чтобы утонуть полностью, будь то телом, сердцем или душой.

Его сердце скучало по нему, его тело тоже тосковало по нему...

— Действительно, очень жарко, — веер в его руке замелькал еще быстрее.

Вэй Сяомяю также поспешно взял веер и замахал.

Мучает любовный недуг, жестокое желание — как раздражает. Даже если ветер от веера будет дуть, подобно тайфуну — независимо от того, насколько сильно — он все равно не сможет потушить возникший пылающий жар в теле.

Кроме того, это пламя зажглось в том году на фестивале фонарей — невыносимо жаркое, ужасно пылающее — до сих пор оно ни разу не погасло.

Наблюдать за плавным строем музыки, с энтузиазмом распевать, разговаривать и смеяться среди сочных неясных ароматов.

На фестивале было множество разнообразных развлечений. Прибывшие остались довольны и не думали уходить. Сун Ю и Ли Цунцин с группой из более чем десяти человек широко и мощно шли по дороге. Они следовали за потоком людей, пришедших полюбоваться видом на реку, как раз перед запуском фейерверков. Прибывших было на самом деле слишком много, они толкались плечами и наступали на пятки — толпа блокировала до такой степени, что невозможно было пройти. Один за другим их разбросало потоком спешащих людей.

Когда Ли Цунцина толкнули и разделили с остальными, Сун Ю протянул руку и схватил его за запястье, чтобы затащить обратно, и обхватил его за плечи, крепко прижав к себе.

Все тело Ли Цунцина удерживалось и прижималось к Сун Ю. Из-за разницы в росте и телосложении — Ли Цунцин не был таким сильным и крепким, как Сун Ю — сразу же у него сложилось неприятное ощущение: будто маленькая птичка повисла на теле другого. Такое неправильное представление вызвало у него... абсолютный ужас, затрудненное дыхание... он действительно хотел оттолкнуть Сун Ю. Но он не мог сделать ни одного движения не только потому, что его слишком много толкали и сдавливали — Сун Ю также крепче прижал его ближе к себе.

В мгновение ока они оба полностью отделились от остальных.

Ли Цунцин слегка напрягся от беспокойства. Напомнил неуверенным голосом:

— Это... Третий принц, скажем, уже поздно, не пора ли вам домой?

— Не беспокойся, — ответил Сун Юй.

— Из соображений вашей безопасности, смиренный я нагло прошу вернуться домой как можно скорее. Если вы попадете хоть в малейшие неприятности, смиренный я абсолютно не сможет взять на себя такую большую ответственность.

— Я еще не видел фейерверка.

— Если хочешь увидеть, просто издай указ. Фейерверк любой красоты будет доступен. Нет необходимости толкаться здесь в толпе людей.

— Ли Цунцин.

— Тут.

— Ты что, дерзишь мне?

— А?! Смиранный я не осмелился бы, — Ли Цунцин поспешно возобновил свое послушное "я": если бы он не был против того, чтобы голова отделилась от шеи, в тот момент он бы осмелился возразить своему императору.

Сун Ю открыл рот, желая что-то сказать, но внезапно раздался оглушительный взрыв. Небо вспыхнуло ярким, ослепительным фейерверком. Множество людей подняли головы, чтобы посмотреть на него, крича "Вау!" и одновременно восхваляя с благоговейным трепетом.

Вскоре после первого, один за другим, зацвели фейерверки, превратив ночное небо в слой великолепного пиршества для глаз.

— Вот зачем я пришел: увидеть самый красивый фейерверк, — Сун Ю опустил голову и тихо заговорил своим глубоким и низким голосом на ухо Ли Цунцина, тембр его голоса нес в себе демонический магнетизм.

Теплым дыханием обдало у виска — это походило на кошачью лапу, царапнувшую его ухо. Ли Цунцин не мог не задрожать, он чувствовал, что его прижали еще крепче. Ослепительный фейерверк хлынул в беспорядке, разрываясь "бум-бум-бум". В унисон его сердце также дико билось "стук-стук-стук".

— Я вдруг подумал об официальной должности, которая тебе подойдет, — обратился к нему Сун Ю.

— Что за должность?

— Шанцзюнь.

Услышав сказанное, Ли Цунцин заволновался. Наклонив голову, чтобы посмотреть на него — у Ли Цунцина даже не осталось времени моргнуть — Сун Ю внезапно коснулся его губ. Обычно полуоткрытые и полужакрытые глаза внезапно широко распахнулись, как будто Ли Цунцин не смел поверить, что император на самом деле в общественном месте среди многочисленной толпы... проявил фривольность по отношению к нему?!

К счастью, окружающие люди полностью сосредоточились на фейерверке в небе — никто не заметил вспышку близости двух мужчин. Однако Ли Цунцин был все еще ужасно напуган.

— Ваше... Нет... Третий... Третий принц... — заикался он ошеломленно.

— Идем, — Сун Ю вытащил его из толпы.

Ли Цунцин, оцепенело позволявший наполовину тянуть, наполовину тащить себя, отошел от гомона голосов на главной улице. Он немного пришел в себя в пустынном маленьком переулке и уже собирался открыть рот, но его спина была резко прижата к стене. У него даже не осталось времени на шок, а его рот уже заблокировали.

Ли Цунцин смотрел во все глаза, плотно сжав губы от удивления, он не осмеливался сделать ни малейшего движения.

Сун Ю также уставился на него широко открытыми глазами, его рот, прижавшийся к его губам, также не двигался.

Большие глаза сузились, будто соревнуясь в терпении, чтобы увидеть, откроет ли Ли Цунцин город и будет первым, кто сдастся, или Сун Ю первым бросит оружие, избавляясь от брони*. Два человека оказались в тупиковой ситуации, которую больше нельзя было назвать двусмысленной.

[П\п: *автор использует метафору: Сун Ю нападающий, а Ли Цунцин обороняющийся. И так, говоря, что Ли Цунцин открывает город — значит, что Ли Цунцин открывает рот и впускает Сун Ю. Или же Сун Ю бросит оружие, избавляясь от брони — то есть остановит свое нападение первым].

Их дыхание касалось лица друг друга, очаровывая резкостью и щекоча своеобразной рябью.

— Открой рот, — отдал ему приказ Сун Ю мягким голосом.

Обычно такой слабак, Ли Цунцин фактически осмелился нарушить приказ, отказавшись подчиняться. Пара губ была поджата еще туже, он уставился на него чрезвычайно неуважительно. На самом деле, его разум был в большом беспорядке и неразберихе. С самого начала он был не в состоянии думать глубоко — теперь все его существо инстинктивно стремилось защитить себя.

— Неужели не хочешь повиноваться? — Сун Ю не сердился, напротив, он улыбался. Изменив свою цель, он неожиданно засосал мочку уха, пососал и лизнул, соблазняя его.

Ли Цунцин неподвижно прирос к земле, кожа на голове онемела: со времен его детства и до сих пор, кроме желтой большой собаки, которая у них раньше росла и которая любила

облизывать все его лицо, не было никого, кто бы прикасался к его уху, не говоря уже о такой наполненной сексуальными намерениями манере. Его тело непроизвольно задрожало, поток горячего прилива начал подниматься вверх. Он хотел оттолкнуть Сун Ю, но обе его руки были схвачены и прижаты по бокам, лишив его возможности двигаться.

— Ваше... Ваше Величество... пожалуйста... не будьте таким... — в конце концов он не смог сдержать мольбы.

Сун Ю проигнорировал слова, вернув рот к его губам.

Ли Цунцин с тревогой превратился в моллюска, крепко сжав рот: несмотря ни на что, он не хотел, чтобы чужой язык проник него...

Сун Ю не был груб с ним и не вынуждал его, он очень терпеливо слегка облизал сжавшиеся губы, точно пробуя вкусную закуску. Как сладко — даже слаще, чем он себе представлял.

Ли Цунцин ощутил, что... это как будто прежняя желтая большая собака лизала его.

Когда его облизали до такой степени, что он подумал, что его губы вот-вот съедят, краем глаза он заметил трех человек, очень быстро бегущих по направлению к ним. При внимательном рассмотрении можно было заметить, что это были Вэй Сяомяо и два телохранителя.

Отлично! Пришел спаситель!

— Ваше Величество, Вэй ... Вуу...

Не теряя времени, Сун Ю воспользовался возможностью, начав успешную атаку, вторгаясь внутрь мягкого и сладкого рта.

Вэй Сяомяо с двумя другими, увидев своего хозяина, который подобно волку или тигру терзал чей-то рот, резко остановились на расстоянии пяти шагов от переулочка. Они не сделали и шага, чтобы предостеречь или помешать — вместо этого они отвернулись и образовали тонкую линию: с одной стороны, неприлично было смотреть, с другой стороны, они использовали свои тела, чтобы скрыть их от улицы и не дать другим людям возможности случайно увидеть их.

Не спаситель, а сообщник! Ли Цунцин действительно хотел плакать, внутренне он предположил, что если император захочет проглотить его целиком в этом месте, они, скорее всего, возьмут ширму, чтобы прикрыть их. Если бы он собрался бороться и сопротивляться, не подчиняясь даже ценой своей жизни, кто знает, они, вероятно, помогли бы прижать его руки и ноги, чтобы их хозяин смог плавно двигаться, охотно поедая его, сколько душе угодно.

На самом деле, это была так называемая ситуация "моли небо безответно, зови землю безрезультатно". Ли Цунцин сдался и перестал беспокоиться, отказавшись от бессмысленного

тупикового сопротивления. Его тело сразу ослабело, позволяя императору целовать его, как ему заблагорассудится.

Сун Ю почувствовал, что сопротивление ослабло, не в силах сдержать свои эмоции, как сильный ветер и ливень, он с энтузиазмом стал целовать его, попутно облизывая, кусая и причиняя боль губам Ли Цунцина.

Ли Цунцин никогда прежде не испытывал такого лихорадочного поцелуя, его целовали так сильно, что он чуть не потерял сознание, забыв, как правильно дышать. Его лицо сделалось красным, от перекрытого воздуха он почти задохнулся.

Только когда Сун Ю понял, что тот вот-вот упадет в обморок, тогда он отпустил его.

Ли Цунцин поспешно вдохнул полный рот воздуха, наполняя легкие. Обессиленный с головы до ног, он слегка дрожал, влага на губах заставила его неосознанно поднять рукав, чтобы вытереться.

— Не вытирай! — раздался тихий крик Сун Ю. Его пальцы ласкали еще более красные и влажные губы, подобные лепесткам, когда он спросил: — Ли Цунцин, я сделаю тебя шанцзюнем, что думаешь?

Ли Цунцин все еще задыхался. Спустя некоторое время он, наконец, смог дать изысканный ответ своим слабым и мягким голосом:

— Ответ Вашему Величеству: смиренный я не имеет никаких достоинств, некомпетентен и не сможет взять на себя столь высокую должность.

— Разве ты не готов вымыть начисто свои ягодицы для меня?

— Это был мой брат. Если Вашему Величеству нужны ягодицы моего брата, мой брат, несомненно, будет очень рад отдать их.

— Ты не желаешь?

— Ваше Величество шутит.

— Слушай внимательно, я что, по-твоему, шучу? — Сун Ю поднял его подбородок заставляя посмотреть прямо на себя, чтобы он ясно увидел нескрываемое пламя в его глазах.

Ли Цунцин опустил глаза, используя свои не такие длинные, но густые ресницы, пытаясь разделить их взгляды. С усилием удалось ответить спокойно, сказав что-то бессмысленное:

— Неприкосновенное лицо Вашего Величества не для просмотра обычного человека, смиренный подданный не смеет.

— Никогда не думал, что ты упрямый человек, — сердечно рассмеялся Сун Ю. Его глаза сияли, как факелы, показывая твердую решимость победить. Медленно он сказал: — Ли Цунцин, я не буду заставлять тебя.

— Ваше Величество мудр.

— Однако я не отпущу тебя.

Ли Цунцин не мог не жаловаться про себя. Почтительно поклонился, сложив руки:

— Уже поздно, смиренный подданный убедительно просит Ваше Величество вернуться как можно скорее во дворец. Прошу простить этого скромного подчиненного, он уйдет первым, — не дожидаясь одобрения, он самовольно всем телом поспешно развернулся и побежал, словно размазывая масло по подошвам ног, чтобы не оказаться на самом деле тут же освеженным, разжеванным до костей и съеденным заживо!

— Не забудь вымыть ягодицы, — сказал Сун Ю его ставшей жалкой на вид спине.

Ли Цунцин споткнулся, едва удержавшись от того, чтобы не поскользнуться и упасть, быстрой поступью, ковыляя, удалился прочь.

Сун Ю следил за ним взглядом, пока он не скрылся в толпе, его глаза сверкали, маленькое пламя прыгало в обоих его зрачках. Он никогда не был так возбужден, как сейчас: желание, которое в течение долгого времени спало в его теле, начало двигаться, волна за волной устремляясь наружу.

Теперь, когда он осознал жажду в своем сердце, зачем было все еще недоумевать и раздражаться из-за этого необычного беспокойства? Он был Сыном Небес, в этом мире он был человеком, занимающим самое высокое положение — нет ничего, что бы он хотел и не мог получить.

"Ли Цунцин, Ли Цунцин, я буду с нетерпением ждать твоих ягодиц".

Тем временем, Ли Цунцин в беспорядочном состоянии ума все время по дороге домой находился в трансе.

Ли Цунинь вернулся домой раньше него. Он заметил, что второй брат по сравнению с обычным состоянием стал еще более отстраненным от мира, его взгляд выражал недоумение, обе щеки покрылись неестественным румянцем. Более того, его привлекательные, напоминающие лепестки губы приобрели более яркий цвет, словно были насильно сорваны.

Э, что происходит? Ли Цунинь двигался вокруг него, оценивая его взглядом, рассматривая слева направо, сверху вниз. Все время он щелкал языком от удивления. В соответствии со своей недобросовестной, деловой, мерзкой натурой, он спокойно осматривал товар, прикидывая стоимость.

— Почему ты так на меня смотришь? — Ли Цунцин, все еще пребывая в замешательстве, не мог избавиться от чувства стыда, боялся, что его разоблачат.

Ли Цунинь погладил подбородок, произнес вслух свой окончательный вывод:

— Тц-тц, я всегда думал, что в нашей семье самыми ценными являются третий и четвертая. Кто бы мог подумать, что объектом спекуляции будешь ты.

Ли Цунцин медленно вышел из оцепенения. Спустя долгое время он смог выдать свой ответ, сразу же став несколько раздраженным, с такой редкой повышенной громкостью выпалил:

— Старший брат, человек не может быть до такой степени бессовестным и лицемерным!

— Как торговец, до тех пор, пока я вижу прибыль, какое мне дело, что честно и что нет. Я лишь слегка намекнул императору, что продаю плоды, а не насильно продвигаю их. Более того, хочет он или не хочет покупать, я бы не посмел неуважительно заставить его, — ослепительно красивое, как солнечный свет, лицо удовлетворенно улыбалось зловещим образом. Похлопав младшего брата по щеке, он сделал неловкое замечание, чтобы подразнить его: — Будь хорошим, слушай своего старшего брата, вымой свои ягодицы и послужи ему должным образом.

Он был простым министром, который бунтовал против эксплуатации народа! Против принуждения честного человека к проституции!

— Почему бы тебе просто не вымыть ягодицы и не отдать себя!

— Я тоже хочу, но очень жаль: эта персона уже положил глаз на тебя, — Ли Цунинь, пожимая плечами, произнес откровенные слова и искренние желания, будто бы сильно пострадал. — Должен сказать, второй брат, этот человек положил на тебя глаз: даже если ты захочешь спрятаться, ты не сможешь. Ты можешь расценивать это только как счастье, что небеса обрушили на тебя. Наша семья Ли будет полагаться на твои ягодицы, которые принесут честь нашим предкам. Ты можешь выдержать это унижение как часть важной миссии*. Тяжелая обязанность, а также долгий путь.

[П/п: *"терпеть унижение как часть важной миссии" — страдать в тишине].

Тяжелая обязанность чтить духов предков — они были бы очень признательны! Доведись предкам семьи Ли на кладбище узнать, что их недостойный потомок продает свои ягодицы для

получения величия, было бы действительно удивительно, если бы они не выскочили из своих гробов и не сломались в приступе эпилепсии.

— Не стремишься ни к чему, кроме прибыли! Бессовестный! — Ли Цунцин, никогда не выходивший из себя, взорвался.

— Что такое совесть? Это можно съесть? Если продать в лавке, сколько денег можно выручить за нее? — хихикал Ли Цунинь, насмехаясь над ним. Такая игра, как совесть, с давних пор была скормлена собаке.

Раздражает! Ли Цунцин поднес кулак к искусному, острому на язык рту старшего брата. Повернувшись, он сердито зашагал в свой внутренний двор. Ягодицы! Ягодицы! Ягодицы! Если кто-то осмелится сказать ему вновь это слово — неважно кто — он сразу же станет его врагом!

Вернувшись в спальню, пыхтя и сопя от ярости, он забрался в кровать, подтянул одеяло и зарылся в него.

"Просто спи, быстро спи, когда проснешься, эта чертова ситуация исчезнет", — непрерывно настраивал он свое сознание, стараясь поверить в собственную ложь. Но его губы, рот, кожа, даже его ухо все еще чувствовали поцелуи, аромат на них все еще оставался. Его душевное состояние было в беспорядке. Он не мог четко отделить, страх ли это или смятение, или начало неподобающей любви. Не в силах подавить жар в теле, он сжался в комок. Когда убийца захватил его в заложники, он не чувствовал себя таким растерянным и беспомощным, как сейчас.

Как дошло до этого? Почему император вдруг поцеловал его силой... Небеса, великий и могучий, мудрый и блестящий Его Величество император на самом деле поцеловал его... Так пугает... Тем не менее, на самом деле, его тело стало вялым и слабым. До последнего момента он не чувствовал ни тошноты, ни отвращения: вместо этого он почти опьянел... мама... это действительно слишком страшно...

На следующий день было первое утреннее заседание после Нового года.

В этот день они не обсуждали общие дела или великие события. Как обычно, множество правительственных чиновников по очереди выходило вперед, чтобы поприветствовать императора, пожелать процветающего начала весны, пожелать, чтобы дела государства в этом году были стабильными и успешными.

Первоначально император думал, что Ли Цунцин будет напуган и попросит разрешение на отпуск, не осмеливаясь присутствовать на заседании. И все же он увидел его стоящим в самом конце очереди. Если хорошенько вспомнить, то даже при том, что этот человек любил бездельничать и расслабляться, он никогда не отсутствовал. Несмотря на то, что он почти

никогда не высказывал своего мнения в зале, он не мог не вызвать уважения императора, оценившего его прогресс.

Голова Ли Цунцина была еще ниже, чем обычно, плечи были согнуты и искривлены, он умирал от желания свернуть свое тело в маленький комочек, не позволяя никому заметить его существования, в частности императору, сидящему на самом высоком кресле дракона.

Вопреки его ожиданиям, самым заметным человеком для императора сегодня был он. Очевидно, монарх видел, что сегодня он не дремлет, что он более трезв по сравнению с обычным своим состоянием. Вспомнив прошлую ночь волнующих поцелуев, император почувствовал, что хочет продолжить, он по-настоящему хотел съесть его всего целиком, чтобы удовлетвориться.

— Желая нашему императору самой долгой жизни и величайшего здоровья, пусть Дашао будет нерушимым из поколения в поколение, — Ли Цунцин был последним передавшим свои благоприятные приветствия. Его голова была опущена до предела. Как только он совершил свой поклон, он быстро отступил на свое место.

Все чиновники в большом зале совершили поклоны и только ждали, когда император также произнесет свои ободряющие слова в ответ на их пожелания — только после этого заседание завершится.

— Я также желаю, чтобы все министры поместили народ в свое сердце и отдали свою заботу стране, — сказал император и после этого неторопливо добавил: — Недавно я подумывал о назначении шанцзюня. Какие мысли у всех министров?

Как только эти слова были произнесены, в зале поднялся шум. Все смотрели друг на друга в безмолвном отчаянии.

Ли Цунцин затаил дыхание и задрожал. Его тело сжалось еще больше. Ему очень хотелось выкопать яму и засунуть в нее себя.

Надо сказать о титуле шанцзюнь, что изначально это был правильный и высокий официальный пост. Он был создан впервые в помощь императору в решении всех вопросов, важных или незначительных: от принятия стратегического решения для нации, до расходов на еду и одежду. Другими словами, шанцзюнь был личным секретарем императора, который только внимательно слушал, когда император занимался делами, и не участвовал в придворном обсуждении.

Должность была схожа, так как высоко ценилась, но не имела авторитета. И все же этот человек был ближе всех к императору. Кроме того, чтобы быть назначенным шанцзюнем, необходимо, чтобы этот человек являлся самым доверенным подчиненным монарха, он мог не говорить, если нечего было обсуждать. В результате, этот человек имел влияние на императорское решение и мнение, удерживая баланс сил.

Также этот человек обычно избирался через фаворитизм императора. Все зависело от прихоти монарха. Впоследствии было несколько императоров, которые присваивали своему однополему любовнику титул шанцзюнь, получив возможность открыто и с честью входить и выходить вместе. Из-за этого официальный пост получил такое свойство. Более того, большинство последующих шанцзюней случайно оказывались красивыми мужчинами, так что пост принял такую форму даже в будущем — кем бы ни был шанцзюнь, можно было легко догадаться, что он должен был быть "таким человеком" для императора.

Истинно нормальный мужчина не смог бы вынести позора гомосексуализма и не захотел бы служить на этом посту. Со временем эта должность могла быть занятой или незанятой — не все правящие императоры назначали на ее. Если они назначали кого-то, то, скорее всего, в восьми или девяти случаях из десяти, этот мужчина был "таким человеком" для монарха.

Хотя их можно было назвать должностными лицами первого ранга (в Дашао первый ранг был только у императора и императрицы), но на самом деле положение у них было примерно такое же, как у императорских наложниц: положение человека, разделяющего те же подушки, что и император, с той лишь разницей, что императорские наложницы являлись законными и официальными женами и наложницами, шанцзюнь же был негласно взаимно допускаемым любовником. Освобожденный от первоначально поставленных перед ним задач, можно даже сказать, что он являлся высшим под одним человеком, но праздным чиновником для других.

— Простите, Ваше Величество, но позвольте спросить, на ком Ваше Величество остановил свой выбор? — осторожно и предусмотрительно задал вопрос один старый чиновник.

Эти слова "остановил свой выбор" уже несли в себе двусмысленный подтекст, в каком-то широком смысле, это было похоже на выражения "глубоко влюбиться" или "быть очарованным".

— Этот человек... — император обвел взглядом всех присутствующих в зале.

Все чиновники, имея определённого рода мысли и надежды, в душе произносили: "Ваше Величество, посмотрите на меня! Ваше Величество, посмотрите на меня!"

Только Ли Цунцин внутренне кричал: "Ты не можешь меня видеть! Ты не можешь меня видеть!"

Император не закончил свою фразу, оставив чиновников с немым вопросом в душе, и сказал:

— Я еще не решил.

Чиновники переглянулись, пытаясь догадаться, кого имел в виду император.

Он не стал продолжать говорить об этом и объявил о своем уходе.

Ли Цунцин вздохнул с облегчением, но это облегчение длилось недолго — Вэй Сяомяо отозвал его в коридоре зала:

— Господин Ли, Его Величество ожидает вас, пожалуйста, следуйте за мной.

Предчувствие великой катастрофы было прямо над его головой. Ли Цунцин обиженно подумал: если он разыграет, что потерял сознание и притворится мертвым, сможет ли он временно избежать этого бедствия... вздох... не будь дураком, если сейчас скажут, что он действительно упал в обморок и умер, есть еще люди, которые понесут его. Либо его разденут до нуля и отнесут на императорскую кровать, либо сразу оденут в погребальные одежды и положат в гроб...

Ай-ай, как в огне. В любом случае, ему негде скрыться, как Ли Цунинь сказал ему прошлой ночью: если этот человек положил на тебя глаз, где ты сможешь спрятаться?

Ли Цунцин ощутил, как черные тучи сгустились над головой, он почти чувствовал... его ягоды начали тупо ныть от боли...

От переводчика:

Здесь в тексте это не ощущается, но в оригинале император среди толпы, на празднике, использует обычное "я". А наедине — императорское "я".

<http://bllate.org/book/15018/1327367>